

5. Николаева Т.М. Новое направление в изучении спонтанной речи (О так называемых речевых колебаниях) // Вопр. языкозн. 1970. № 3.
6. Сиротинина О.Б. Современная русская разговорная речь и ее особенности. М., 1971.
7. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблема обучения. М., 1987.
8. Розанова Н.Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика и жест. М., 1983.
9. Шмелев А.Д. Слова-паразиты и их роль в построении дискурса // Русский язык в контексте современной культуры. Екатеринбург, 1998.
10. Дараган Ю.В. Функции слов-«паразитов» в русской спонтанной речи // Тр. междунар. семинара Диалог. Т. I. М., 2000.
11. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003.
12. Трофимова О.В. Сочетание *как бы* в сверхтексте «Литературной газеты» // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995.
13. Шардакова Н.Н. Разграничение нормативного и ненормативного словоупотребления частицы *как бы* // Проблемы лингвистического образования. Ч. 2. Екатеринбург, 2002.
14. Разлогова Е.Э. К вопросу о специфических употреблениях модальных слов: слова-паразиты в русской и французской речи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филол. 2003. № 6.
15. Антонова Т.И. «В смысле...» // Русская речь. 1982. № 4.
16. Иванова А.Н. Слово *это* в письменной и устной речи // Русский язык в школе. 1982. № 2.
17. Федорова Е.М. Функционально-семантические варианты лексемы *так* в разговорной речи // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Т. 1. Новосибирск, 2002.
18. Лаптева О.А. Самоорганизация движения языка: внутренние источники преобразований (статья первая) // Вопр. языкозн. 2003. № 6.
19. Белошапкина В.А., Галактионова И.В. О видах выражения согласия // Русская речь. 1982. № 4.
20. Инфантова Г.Г. О типах речевых культур носителей литературного языка // Филология на рубеже тысячелетий. Вып. 2. Ростов н/Д, 2000.
21. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
22. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1997.
23. Блинова О.И., Палагина В.В., Федоров А.И. Инструкция для составления словаря русских народных говоров Сибири // Вопросы русского языка и его говоров. Вып. 3. Томск, 1975.
24. Петрунина С.П. Вводные единицы со значением персуазивности в диалекте // Функциональный анализ значимых единиц русского языка. Новокузнецк, 1992.
25. Петрунина С.П. Прагматика в словарном описании служебных лексем (на примере диалектного *однако*) // Русские говоры Сибири. Лексикография. Томск, 1993.
26. Петрунина С.П. Паронимические оговорки в диалекте // Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1993.
27. Петрунина С.П. Оговорки в диалектной речи // Актуализация семантико-прагматического потенциала языкового знака. Новосибирск, 1996.

А.В. Курьянович

ИНВЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Томский государственный педагогический университет

Для современной лингвистики, коммуникативной по своей сути, чрезвычайно актуальной является категория речевого общения, глубокое изучение которой было начато М.М. Бахтиным, считавшим, что «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда разыгрывается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [1, с. 303].

Категория общения с позиций речеведения представляется интерактивным процессом межличностной коммуникации посредством текстовой деятельности. С этой точки зрения основным в филологии последних лет видится исследование эффек-

тивности речевого общения. Изучением данной проблемы занимается, в частности, коммуникативная стилистика текста – научное лингвистическое направление, активно разрабатываемое на кафедре современного русского языка и стилистики ТГПУ под руководством профессора Н.С. Болотновой.

В данное время учеными обозначен целый ряд факторов, влияющих на степень эффективности речевого общения. В их число входят индивидуальные особенности личности коммуникантов и характер их взаимоотношений, специфика сферы общения, характер ситуации, цели и задачи вступаю-

щих в общение, особый отбор и организация языковых средств разных уровней, стилистические параметры текста и т.д. Несомненную важность в этом вопросе имеет такой экстралингвистический критерий речевого общения, как *жанровые особенности текста*. Эту проблему необходимо рассматривать с двух сторон: во-первых, с позиций современной теории речевых жанров, во-вторых, – с точки зрения анализа средств выражения прагматики того или иного жанра. Остановимся подробнее на этих двух аспектах в изучении жанровой природы текста.

«Интуитивная жанровая рефлексия» (Т.В. Шмелева) является неотъемлемой частью речевого сознания. Общепризнанным считается факт, что теорию речевых жанров (далее – РЖ) выдвинул и обосновал М.М. Бахтин. Анализ современной литературы по истории вопроса показал, что интерес к проблеме РЖ неуклонно растет. Об этом говорят многочисленные исследования ученых: Н.Д. Арутюновой, А.Г. Баранова, А. Вежицкой, Ст. Гайды, В.Е. Гольдина, В.В. Дементьева, К.А. Долинина, К.Ф. Седова, О.Б. Сиротининой, М.Ю. Федосюка, Т.Т. Шмелевой и др. Несомненный интерес представляет сборник научных статей «Жанры речи», издаваемый в Саратовском государственном университете (1997, 1999, 2002). При всем многообразии подходов (типологического, семантического, прагматического, функционального) к изучению проблемы РЖ в научных разысканиях присутствует единая для всех точка зрения: «РЖ несет на себе следы влияния соответствующей сферы коммуникации, согласованной партнерами тональности общения, соответствующего речевого события, и отделить одно от другого непросто» [2, с. 5].

В постбахтинской теории жанроведения еще не выработалось устойчивого определения главного термина. Мы определяем РЖ как *тип текстов, характеризующихся тематическим, композиционным и стилистическим единством* (см. подобное толкование понятия жанра в работах М.Ю. Федосюка, Н.С. Болотновой и др.). Каждый РЖ воплощает речевое событие, выделенное на основании определенной речевой ситуации. Последняя включает участников общения, характер отношений между ними и обстоятельства, при которых происходит общение. Речевое событие трактуется как сумма речевой (в основе своей – денотативной) ситуации и ее вербального воплощения.

Относительно типологической характеристики жанров речи следует заметить, что на данном этапе господствующим в классификации РЖ выступает иллокутивный критерий – особенности авторского целеполагания в конкретной речевой ситуации.

В вопросе анализа прагматики различных типов РЖ особого внимания заслуживает теория их диф-

ференциации с позиций гармонизации общения. Ученые, ведущие исследовательскую деятельность в этом направлении (например, А.Р. Балаян, Н.С. Болотнова, Т.В. Матвеева, Н.И. Формановская и др.), говорят о несомненной обусловленности прагматики жанра (а соответственно – его структуры и семантики) характером взаимоотношений участников коммуникации. Этот факт, в свою очередь, позволяет распределить РЖ на условной шкале эффективности речевого общения определенным образом – по различным коммуникативным регистрам: от унисона (зоны гармоничного диалога), с учетом наличия нейтральной прагматичной зоны в коммуникации, до диссонанса (зоны преобладания дисгармонии в общении и в крайних случаях – полного его прекращения).

Наиболее успешный способ речевого общения исследователями называется по-разному: эффективный, оптимальный, гармоничный, корпоративный и т.п. Речевые усилия участников коммуникации в этом случае направлены на создание обоюдного состояния психоэмоционального комфорта. Ведущими коммуникативными стратегиями являются кооперация, вежливость, искренность, доверие, близость, сотрудничество, компромисс. Они способствуют полноценному поведению участников коммуникации и эффективной организации речевого взаимодействия. Ключев Е.В., осмысливая феномен речевой коммуникации, систематизирует факторы, способствующие успешному диалогу. К их числу ученый относит, в частности, следующее: способность говорящего представить себе возможности адресата, готовность адресата осознать мотивы говорящего, наличие заинтересованности или потребности в общении у его участников, единство коммуникантов в оценке принятых в обществе правил поведения и пр. [3, с. 289–290]. Взаимодействие партнеров коммуникации в этом случае представляет собой нарастающее подтверждение взаимных ролевых ожиданий, быстрое формирование у них общей картины ситуации и возникновение эмпатической связи друг с другом. В рамках чрезвычайно разнообразной парадигмы жанров речи актуальными в данных коммуникативных ситуациях оказываются, например, оценочные РЖ похвалы и одобрения, этикетные РЖ поздравления и комплимента, императивные РЖ совета и рекомендации (см., в частности, об этом: [4]).

Все большее внимание исследователей (в силу особенностей современной языковой ситуации) начинает привлекать к себе *зона преобладания дисгармонии в общении*. Объектом изучения здесь выступают речевые ситуации, «несущие в себе элементы психологического напряжения» (К.Ф. Седов), препятствующие возникновению взаимопонимания, вызывающие негативные психоэмоциональные и

физиологические состояния партнеров по общению. Виды подобных речевых ситуаций и соответствующие им типы языковых личностей детально описаны К.Ф. Седовым [5].

Арсенал терминологических обозначений отрицательного поля коммуникации велик и регулярно пополняется. Речь здесь идет о «коммуникативном сбое» (Е.В. Падучева), «коммуникативном провале» (Т.В. Шмелева), «коммуникативной неудаче» (Б.Ю. Городецкий, И.М. Кобозева, И.Г. Сабурова, Е.А. Земская, О.П. Ермакова), «коммуникативной помехе» (Т.А. Ладыженская). Так, под термином «коммуникативная неудача» понимается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [6, с. 64–66]. К коммуникативным неудачам, согласно концепции Е.А. Земской и О.П. Ермаковой, относится также и «возникающий в процессе общения не предусмотренный говорящим нежелательный эмоциональный эффект: обида, раздражение, изумление» [7, с. 31], в котором, по мнению авторов, и выражается взаимное непонимание партнеров по общению.

Крайней формой проявления негативной иллокуции можно назвать ситуацию *речевого конфликта*, основанную на механизмах разнонаправленной интеракции: каждая из сторон сознательно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия соответствующими вербальными средствами. Конфликт, как его трактует психолингвистическая конфликтология, подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе общения по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений. Данной речевой ситуации свойственна коммуникативная стратегия конфронтации. При осуществлении такого варианта взаимодействия происходит одностороннее или обоюдное неподтверждение ролевых ожиданий, расхождение партнеров в понимании или оценке ситуации и возникновение антипатии друг к другу.

«Конфликтотеном» (В.П. Шеин), т.е. своеобразным «раздражителем», провоцирующим создание конфликтной речевой ситуации, может быть любая из форм проявления конфронтационной стратегии: агрессия, насилие, дискредитация, подчинение, принуждение, разоблачение, манипуляция, самоутверждение за счет партнера по общению и пр. Приобретают значимость в подобных коммуникативных ситуациях такие «конфликтотенные» жанры речи, как *РЖ угрозы, запугивания, упрёка, обвинения, обиды, издевки, насмешки, колкости, иронии, провокации, словесного «наезда», навешивания ярлыков, нападки, разоблачения, стеба, претензии, оскорбления (инвективы)* и пр. Все эти жанры объ-

единяет негативный «мотив речи» (Л.С. Выготский), т.е. сознательное намерение автора нанести моральный вред собеседнику. К.Ф. Седов приписал данному типу иллокуции статус «коммуникативного садизма», осуществляемого посредством «словесного издевательства».

Очень точно отражает прагматическую сущность перечисленных выше конфликтогенных РЖ актуальное в современной эколлингвистике понятие *речевой агрессии*. «С эколлингвистических позиций языковая агрессия и языковое насилие (а также языковое манипулирование, языковая демагогия и т.п.) рассматриваются как формы речевого поведения, негативно воздействующие на коммуникативное взаимодействие людей, поскольку они направлены всегда на минимизацию и даже деструкцию языковой личности адресата, на его подчинение, манипулирование им в интересах автора высказывания» [8, с. 120]. В «Материалах к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» речевая агрессия определяется как «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом» [9, с. 96].

Шарифуллин Б.Я. [8] предлагает дать обобщающее название всем типам конфликтогенных РЖ. Ученый называет этот тип жанров речи *инвективными*, поскольку они представляют форму вербализации разной степени языковой агрессии. «Инвектива в ее вербальном воплощении – это не вид речевой (коммуникативной) стратегии (как полагает, например, В.И. Жельвис [10]) и не речевая тактика, а один из основных типов речевых жанров, наряду с информативными, императивными, оценочными и этикетными, имеющий свою собственную коммуникативную цель и другие жанрообразующие признаки. В последнее время инвективные жанры речи весьма активизировались как в бытовой, так и в других сферах общения (хотя, впрочем, они всегда выполняли свою определенную роль в истории любого языка, в том числе русского)» [8, с. 125].

Проблема инвективы и инвективности активно обсуждается в современной лингвистике (см. работы Н.Д. Голева, В.И. Жельвиса, В.Н. Капленко, Н.Б. Лебедевой, О.Н. Матвеевой, С.В. Сыпченко, В.С. Третьяковой, Т.В. Чернышовой, Б.Я. Шарифуллина и др.). На данном этапе уже не вызывает сомнений факт наличия у языка инвективной функции как разновидности экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями. «Инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова» [11, с. 44].

На наш взгляд, выделение особого типа речевых жанров – инвективных по своей природе и средс-

твам выражения прагматики – вполне оправдано, поскольку в современном пространстве межличностной коммуникации наблюдается усиление отношений враждебности, агрессивности между участниками общения.

Однако следует заметить, что инвективность как языковая категория может проявлять себя в разных жанрах речи, дифференцирующихся в современном жанроведении в рамках различных типологий. Так, негативная оценка может присутствовать как компонент прагматики в оценочных РЖ (типологическая система жанров Т.В. Шмелевой). Однако коммуникативной целью говорящего здесь является «оценка ради оценки», в то время как появление инвективного РЖ обусловлено иллюзией умышленной дискредитации определенного человека, создание его негативного имиджа в глазах обществу, причинение ему морального, психического, эмоционального вреда. Оценка в данном случае является не конечной целью, а средством достижения другой цели.

К конфликтному сценарию развертывания диалога тяготеют в большей степени речевые ситуации, в которых превалирует субъективно-личностное начало одного из коммуникантов. Как правило, подобные ситуации оформляются оценочными и прескриптивными (императивными) речевыми жанрами. Однако встречаются случаи, когда конфликтная зона коммуникации распространяется на РЖ, в которых, казалось бы, личностное начало предельно редуцировано (см., например, статью П.А. Рудова «Информативные речевые жанры как потенциальная конфликтная зона в коммуникации» [12]).

Инвективность может проявлять себя в разных сферах коммуникации. Наиболее ярко жанры инвективного типа используются в современной публицистике. Главное отличие инвективных РЖ, функционирующих в этой сфере коммуникации, от так называемых «бытовых» заключается в наличии специально подобранных инвективных речевых тактик, а также в огромной силе их прагматического заряда.

Доминантой в парадигме инвективных жанров выступает, на наш взгляд, *РЖ оскорбления*, поскольку он наиболее ярко демонстрирует специфику коммуникативной цели автора инвективного высказывания.

Коммуникативной целью *РЖ оскорбления* является умышленное создание автором (инвектором) посредством использования инвективных речевых средств негативного, противоречащего правовым и нравственным нормам общества, имиджа адресата (инвектума) и нанесение тем самым ему морально-психологической травмы.

Очевидно, что понятие оскорбления получает соответствующую правовую оценку: любой чело-

век, ставший объектом языковой агрессии, имеет полное право законным порядком защитить свою честь и достоинство путем обращения в суд для разбирательства. Речевое поведение в данном случае осмысливается не только в рамках этики межличностного взаимодействия, но и в юридически значимой плоскости.

На этом фоне закономерным видится появление в современном научном пространстве дисциплин, занимающихся исследованием текстов с правовых и лингвистических позиций одновременно. Назовем лишь некоторые: автороведение, юрислингвистика, лингвистическая криминалистика, инвективознание, «оскорблениеведение», обсцентология. С этой же целью с недавних пор начала вести работу Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) под руководством профессора М.В. Горбаневского. Гильдия является некоммерческой общественной организацией, объединяющей филологов и юристов, которые проводят лингвистические экспертизы по заказу истцов и ответчиков на судебных процессах. Из числа филологов, занимающихся данной проблематикой, можно назвать В.М. Баранова, Е.И. Галяшину, Н.Д. Голева, Т.А. Гридину, Т.В. Губаеву, В.И. Жельвиса, Н.Б. Лебедеву, С.В. Сыпченко, В.С. Третьякову, В.Г. Наумова, Т.В. Чернышову и др. Из числа научных сборников, в которых рассматривается данная проблематика, можно выделить следующие: «Юрислингвистика. Вып. 1–6» (Изд-во Алтайского ун-та, 1999–2004), «Цена слова. Вып.1, 2: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации // Под ред. проф. М.В. Горбаневского» (М., 2001, 2002), «Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ» (М., 1997).

Оскорбление может быть выражено вербально и невербально, в прямой или косвенной форме. Оскорбление посредством слова можно определить как «способ осуществления вербальной агрессии, который воспринимается в данной семиотической (под)группе как резкий или табуированный» [10, с. 23]. Остановимся подробнее на *характеристике речевых средств* создания прагматического эффекта в *РЖ оскорбления* («инвективного вокабуляра», по словам В.И. Жельвиса).

Можно выделить две группы лексических средств, создающих инвективный прагматический эффект в тексте: 1) слова, характеризующиеся присутствием в них инвективных оттенков смысла *изначально*; 2) слова, *приобретающие* подобный смысл в соответствующем контексте. Уместным видится здесь термин «инвективный континуум» (В.И. Жельвис), «с одного конца которого находятся слова общеизвестные, но осуж-

даемые в большинстве субкультур данной национальной культуры (обсценизмы), а с другого конца – слова, относительно приемлемые в некоторой речевой ситуации (литературные слова, обладающие явным инвективным потенциалом)» [10, с. 24].

Слова 1-й группы принадлежат к так называемому «инвективному узусу». Этот пласт лексики достаточно древний и устойчивый, отражающий присутствие в языковом сознании носителей языка «специфических речевых фреймов» (Н.Д. Голев). Семантическое наполнение *концепта «оскорбление»* в современном понимании сближается с индоевропейским мифоэпическим представлением о магическом заговоре проклятия, когда в сознании человека сознательно культивировалась вера в божественное действие слова, причем магическая сила слова связывалась с негативным воздействием на другого человека. Об этом говорится в работах целого ряда исследователей: С.Г. Воркачева, В.И. Жельвиса, В.И. Карасика, Г.В. Кускова, М.М. Маковского, Ю.С. Степанова и др.

На современном этапе научного изучения данной проблемы выделяются 8 разрядов инвективной лексики: 1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: *бандит, жулик, мошенник*. 2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: *двурушник, расист, враг народа*. 3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: *палач, мясник*. 4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: *кобель, кобыла, свинья*. 5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: *украсть, хапнуть*. 6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: *гадина*. 7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: *женщина легкого поведения, путана, интердевочка*. 8. Оказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: *коммуняки, дерьмократы, прихватизация* [13, с. 29–30].

Использование данных слов, например, в современном газетном тексте при условии *непосредственной* адресованности их какому-либо лицу является оскорбительным, т.е. умышленно унижающим честь и достоинство лица в неприличной форме.

2-ю группу образуют слова, которые, изначально не имея в своем значении инвективных (не путать в целом с негативными!) оттенков смысла, приобретают их в условиях контекста с учетом определенных факторов текстообразования: характере

намерений каждого из участников коммуникации, специфики взаимоотношений автора и адресата, особенностей ситуации общения, жанрово-типологической принадлежности текста, его стилистических параметров, в целом – коммуникативной стратегии и смысловой программы текста, определяющих средства и способы достижения определенного коммуникативно-прагматического эффекта. Такие лексические единицы можно обозначить как «потенциально инвективные». В этом случае инвективны не сами слова, а их употребление в конкретной речевой ситуации. Инвективный потенциал языка, таким образом, может реализовываться не только при помощи инвективной лексики 1-й группы, но и посредством неоскорбительной лексики 2-й группы, выступающей в инвективной функции. «Использование языка в социальной жизни человека всегда содержит определенный потенциал «естественной» оскорбительности» [10, с. 5]. *Любое слово в контексте* может стать инвективной, т.е. восприниматься адресатом в качестве оскорбления.

В качестве примера рассмотрим инвективные речевые средства, фигурирующие в статье С.И. Костикова «Последний бой так называемых «защитников акционеров» (газета «Ва-банк» от 2.10.1999). Данный текст по форме выражения авторской коммуникативной установки представляет факт речевой агрессии, поскольку затрагивает честь, деловую репутацию и личное достоинство г-на Александра Е.И. Задача создания речевой ситуации конфликтности реализуется автором в тексте преимущественно за счет использования грубой, оскорбительной, этически неприемлемой (т.е. резко противоречащей принятой в обществе) манеры общения. Текст *перенасыщен* инвективной лексикой. Отметим здесь следующие случаи:

1. Употребление зоосемантической метафоры, содержащей негативную оценку адресата: «*Думается, если бы «Прайс Уотерхаус» обращал внимание на **тявканье таких мосек, как Александров, и, например, подал бы на него в суд за клевету, наш «защитник акционеров» давно бы парился на нарах.***»

2. Оскорбительным является перевод имени собственного – Александров – в разряд имен нарицательных («александровы»), поскольку за этим скрывается попытка обобщения и обесценивания конкретной личности: «*...все эти **александровы** исчезнут, как дурной сон*»; «*Никакая «Асирота» не заплатит **им** тогда ни гроша – какую бы словесную вонь **они** не распространяли*»; «*Вот, ... с **какими «защитниками» акционерам «Томскнефти» и ЮКОСа приходится сталкиваться.***»

3. Использование лексических единиц, содержащих в своей семантике явно негативные компонен-

ты: «Как это принято у **болтунов и демагогов**»; «Ведь все деньги, которые через александровский комитет **отмывают спекулянты**»; «**опускается** не только до **передергивания фактов**, но и до **прямой лжи**»; «**окончательно завравшись**, об интересах акционеров он уже и не помнит»; «**кроме болтовни**, Вы ни на что не способны», «**большего бреда себе представить трудно**»; «**плохо** у господина Александра не только с экономическими и правовыми знаниями и элементарной логикой, но и с **памятью**»; «**Окончательно завравшись**, об интересах акционеров он уже не помнит»; «**Кстати**, на одно противоречие в своих **бреднях**, видимо, в силу **некомпетентности**, Александров даже не обратил внимания»; «...**безапелляционно выдает** за компетентные суждения...»; «...**зато Вы сами откровенно лжете** и даже не стесняетесь этого» и пр.

4. Употребление сниженной лексики, передающей особенности характера и поведения адресата: «**Думается**, если Вы скажете об этом руководству, **они пошлют Вас куда подальше**»; «**Драть глотку**, да еще за деньги, ведь куда проще»; «... наш «защитник акционеров» давно бы **парился на нарах**»; «...**какую бы словесную вонь** они не распротраляли...» и пр.

Необходимо заметить, что вербальная агрессия не всегда имеет форму прямого оскорбления, что находит отражение в виде различных намеков, колкостей, аллюзий. Например, подобным образом можно интерпретировать следующую фразу из анализируемого текста: «**Сам он ни одной акции не имеет – как тот Леня Голубков из «МММ»**». Формой скрытой агрессии может также выступать прием «коммуникативного саботажа» (К.Ф. Седов),

предполагающего ситуацию «реагирования вопросом на вопрос».

Перечисленные речевые средства квалифицируются как оскорбительные по отношению к г-ну Александрову и выполняют в тексте инвективную функцию. Закономерно, что данный текст стал объектом лингвистической экспертизы и рассматривался в судебном заседании.

Инвективная лексика (и фактическая, и потенциальная) – значительный пласт языкового материала. Чрезвычайно актуальной видится проблема ее систематизации, лексикографического описания и определения наиболее четких критериев для процесса маркировки лексических единиц как инвективных (см., в частности, статью Коряковцева А.В., Головачевой О.В. «К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики» [14]).

Прагматическая сила РЖ оскорбления возрастает и за счет наличия коммуникативной перспективы данного жанра, поскольку оскорбление предполагает непосредственную реакцию адресата. Отметим также, что прагматика РЖ оскорбления обусловлена также гендерным, возрастным, профессиональным, культурным, национальным факторами.

Абсолютная «свобода слова», наблюдающаяся в современном обществе, обусловила появление ситуации потенциальной разрешенности инвективы и ее массового употребления в практике межличностной коммуникации. На этом фоне чрезвычайно актуальным видится изучение инвективной функции языка в ее конкретных текстовых воплощениях.

Литература

1. Бахтин М.М. Автор и герой. М., 2000.
2. Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Саратов, 1999.
3. Ключев Е.В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия. М., 2002.
4. Болотнова Н.С. Современная концепция коммуникативного обучения русскому языку и проблема эффективности общения // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности. Томск, 1996.
5. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопр. стилистики. Язык и человек. Саратов, 1996. Вып. 26.
6. Городецкий Б.Ю., Кобозева И.М., Сабурова И.Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.
7. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993.
8. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004.
9. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: Мат-лы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). Красноярск, 1999.
10. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. М., 1988.
11. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Барнаул, 1999.

12. Рудов П.А. Информативные речевые жанры как потенциальная конфликтная зона в коммуникации // Проблемы интерпретации в лингвистике и литературоведении. Т. I. Лингвистика. Новосибирск, 2003.
13. Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и СМИ. М., 1997.
14. Коряковцев А.В., Головачева О.В. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. Барнаул, 2004.

Е.Н. Вавилова

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ В ВИРТУАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

Большинство специалистов определяет риторику как «искусство убеждать». Материалом изучения чаще всего является устная публичная речь или художественные произведения.

Большую часть XX в. в школах нашей страны отсутствовал такой предмет, как риторика. Можно даже утверждать, что в обществе не наблюдалось интереса к риторическим приемам, за исключением, может быть, отдельных областей деятельности (например, судебная риторика). Однако в последние десятилетия возник повышенный интерес к различным речевым практикам, включая искусство спора. Это находит отражение в СМИ (различные ток-шоу) и в среде виртуального общения (форумы Интернет и эхо-конференции Фидонет). Последние интересны тем, что, во-первых, речь, используемая в них, не устная, а во-вторых, оставаясь публичной, реализуется совершенно в иной коммуникативной ситуации, которая, варьируясь в различных конференциях, тем не менее, имеет общее качество неофициальности. Все это, вкупе с другими экстралингвистическими особенностями виртуального общения, способствовало возникновению нового жанра, который даже получил собственное имя «флейм» (от англ. «flame» – огонь, палить), что приблизительно можно перевести как «перепалка».

Что же такое флейм? Прежде всего, это «вырожденный спор» — спор о том, чего нельзя ни доказать, ни опровергнуть, или спор о словах. Если соотносить данный жанр общения с понятиями риторики, то можно обнаружить, что ближе всего к нему стоит такое понятие из области ораторской практики, как эристика: «Эристика как искусство спора предполагает выигрывание его независимо от того, какими средствами ведется спор, цель речи — утвердить свое право на поступок и оставить за собой окончательное суждение» [1, с. 85]. Другие авторы называют такой спор софистикой [2, с. 260]. Вне зависимости от названия общие правила ведения спора требуют:

«а) держаться одного и того же смысла терминов в процессе всего рассуждения;

б) не изменять темы обсуждения;

в) не пропускать фактов, относящихся к теме обсуждения, все факты должны быть рассмотрены;

г) не допускать эмоционального давления на оппонента;

д) не опровергать оппонента иначе как в интересах истины и терпеть неудобные суждения;

е) не подходить к делу предвзято» [1, с. 86].

Во флейме последовательно нарушаются эти правила.

а) Используется изменение терминологии и, как следствие, самих аргументов; трансформация базируется на употреблении синонимов, на полисемии (при этом модифицируются оттенки смысловых различий):

АС> Так вот, Б., мне кажется, что устраивать дискуссию *на подмене слова «любовь» – словом «соблазнение»*, означает изначально дезинформировать участников¹.

JP>.. я считаю, что есть два значения этого слова – так что, мы оба правы.

LT> сколько путаницы можно было бы избежать, если бы спорщики предварительно

LT> обменивались толковыми словарями :) А второй половины – если начинать

LT> возражения с фразы «Я вас понял так...».

б) Изменение темы обсуждения может быть неосознанным и намеренным (в любом случае это сигнализирует о переходе в другой жанр):

АС> Но продолжать этот разговор считаю делом неблагодарным для нас

АС> обоим – у нас явно слишком разное понимание всего вышеперечисленного.

¹ Здесь и далее в иллюстративном материале сохранена авторская орфография и пунктуация.